

И.Е. Шишкина

(г. Горловка)

УДК 821.161.1+808.1

СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ: ЗАМЕТКИ О ЗАБЫТОМ ЖАНРЕ

Святочный рассказ... Многие наверняка вспомнят, что им приходилось встречаться с этим странным жанровым подзаголовком, подзаголовком, что называется, «говорящим». «Святочными эти рассказы называются потому, что они рассказываются по преимуществу на святках; на святках же протекает и действие таких рассказов» [2, с. 35]: «Мальчик у Христа на елке» Ф. М. Достоевского, «Девочка со спичками» Г. Х. Андерсена, «Сон Макара» В. Г. Короленко, рассказы А. П. Чехова, Н. С. Лескова, А. И. Куприна, Д. Н. Мамина-Сибиряка. Но это только малая часть, всплывшая на поверхность благодаря литературным авторитетам своих сочинителей: на самом деле святочных рассказов было намного больше.

В нашу задачу не входит детальное исследование истории жанра – только самые общие моменты. Литературный святочный рассказ как жанр появился в Европе, это связано с тем, что для католического и протестантского Запада было важно максимально приблизить к себе священные события и священных персонажей, поэтому празднование Рождества получило здесь не только религиозное, но и бытовое, домашнее значение. А душещипательные святочные истории как раз очень удачно переводили праздник с духовного на душевный человеческий язык. Русским читателям хорошо были известны произведения родоначальника «рождественского» жанра Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе», «Колокола», «Сверчок на печи. Сказка о семейном счастье». На русский язык «Рождественские повести» английского писателя были переведены почти сразу после своего появления – в 40-х годах XIX века. Это стало одной из причин того, что жанр стал очень популярен в России, но все же решающую роль сыграла литературная ситуация, сложившаяся ко второй половине века: заметно увеличилась и демократизировалась читательская аудитория, бурно развивалась

малая пресса, создавалась массовая литература. «Постепенно стал складываться особый тип "тонкого" журнала – с репродукциями и литографиями, с портретами наиболее знаменитых общественных деятелей, с обширной рекламой, здесь публиковались и длинные исторические повести, и незамысловатые рассказы, и просто небольшие статьи на самые разнообразные темы» [3, с. 11].

И все это было рассчитано не просто на среднего читателя, на служащего или мещанина, но и на их семьи. Такие журналы, как «Домашняя библиотека», «Семейные вечера», «Домашнее чтение» из номера в номер печатали целые романы, отдавая под это все журнальное пространство. Это было чтение для семьи как целого, оно являлось ни взрослым, и ни детским, но «домашним». Так что читать эти журналы могли все – и старики и дети; и так незаметно, но последовательно формировался и воспитывался облик семьи, ее единство, в какой-то мере сглаживалась проблема «отцов и детей».

Поэтому самый семейный праздник – Рождество – отмечался подобными изданиями особо, святочный рассказ с его доступностью и простотой, с его календарной приуроченностью пришелся очень кстати. И начиная с 70-х годов XIX века, вплоть до 1917 года, накануне Рождества специальные выпуски альманахов, сборников, журналов и газет печатали истории о замерзающих сиротках, мечтающих о семье и теплом доме, о доведенных до отчаяния бедняках, помышляющих о самоубийстве, о заплутавших в бурю путниках, которым мерещились привидения. Но все это происходило в ночь под Рождество Христово, в великую ночь спасения, поэтому неутешенных не оставалось. По милости Провидения и сиротка встречала своего благодетеля, и бедняк получал наследство, и путник сквозь метель слышал звон колокольчика, а привидения оказывались просто выдумкой.

Вскоре главные сюжетные ходы в святочном рассказе превратились в набор штампов, а поиск «путей к человеческому уму и сердцу – в расчетливое нажатие безотказных рычагов» [6, с. 23]. А ведь изначально задача таких рассказов состояла в том, чтобы в канун Рождества оторвать читателей от повседневных забот, создать в их домах праздничную атмосферу, привести их

души к чувству покойной, сладостной жалости, смирения, душевного участия, доброжелательства. Поэтому, говоря о поэтике святочного рассказа, следует помнить, что ему никогда не отводилась первостепенная роль, он был лишь эпизодом праздника, и многие черты Рождества скопировал в миниатюре. Святочная проза «непритязательна, но это тот самый случай, когда непритязательность значит не серость, а скромность, святочный рассказ ни на что не замахивается, не проталкивается на ведущие роли, это – только эпизод праздника, только голос в общем хоре» [4, с. 223].

Известно, что в основе всякого религиозного праздника лежит некий «сакральный прецедент», который ежегодно не просто вспоминается, но проживается заново. Не удивительно, что и в святочном рассказе на людях и предметах лежит некий яркий отсвет того далекого события священной истории – Рождества Христова. Сошествие на землю Бога положило начало спасению человечества от греха – в святочном рассказе образ Божественного Младенца многократно отражается в образе ребенка, который тоже постоянно спасает людей от отчаяния, от дурных желаний и чувств.

Почти везде, где появляется младенец, ребенок, возникает и упоминание о Младенце Иисусе, в одном рассказе происходит даже полное отождествление небесного и земного. Герой его, доктор Радулин, не может преодолеть ненависти к своему бывшему другу, Андрееву, женившемуся на возлюбленной Радулина, Ольге. Неожиданно Ольга умирает, и вскоре, по случайному стечению обстоятельств, Радулин приходит лечить заболевшего сына Андреева и Ольги. И вот тут доктор и больной меняются местами – истинным врачом оказывается мальчик. Доктор вглядывается в его черты, обнаруживает сходство с головкой Христа на картине «Секстинская Мадонна» и одновременно с любимой Ольгой. «Мальчик приподнялся на постельке и протянул пухлые ручонки к доктору...– Ты идешь мне навстречу! Божественный младенец! Ты спасаешь меня...» – мелькнуло в голове доктора. Слезы показались на глазах его, он схватил дитя на руки и стал целовать его, словно в каждом поцелуе черпал исцеление... а за стеной все время раздавалось пение Христос рождается» [8].

Но на таких прозрачных аллюзиях и тематических совпадениях соотнесенность святочного рассказа с Рождеством не исчерпывается – прослеживается и более глубинная связь, затрагивающая не столько частные, отличительные черты, сколько мифологическую структуру праздника. В. Топоров говорит о том, что главные праздники любой традиции начинаются с ситуации, «связанной с обостренным и напряженным ожиданием катастрофы мира. Старый мир, старое время, старый человек «износились», и их ожидает распад, смерть. Силы хаоса, кажется, преодолевают космическую организацию мира» [7]. Такая же ситуация повторяется в святочном рассказе, правда, ситуация эта приуменьшена до конкретной человеческой судьбы. С героями рассказов происходят различные печальные события, которые могут привести к трагическим последствиям: невозможность встретить праздник с родными, в кругу семьи, невозможность жениться на любимой девушке или купить ребенку рождественский подарок и т.д. Задается некая неполнота, диссонанс.

«Старый» мир требует обновления, безвыходная ситуация – взрыва, а для этого необходимо только чудо. Такое же чудо, которое равно чуду первого творения, когда хаос был побежден, и установилась космическая организация. Но это сказано о празднике, в святочном же рассказе спасти нужно не весь мир, а отдельного человека, но для его спасения тоже необходимо чудо, но меньшее, чем «чудо первого творения». Вот почему так велико его значение в святочной литературе. Однако чудо в святочном рассказе не обязательно должно быть сверхъестественное (посещение ангелов или самого Христа), чаще всего это обычное чудо, бытовое: счастливая случайность или удачное совпадение. Но для рассказов, которые опираются на евангельскую систему ценностей, и случайности не случайны, во всем и автору, и героям видится милостивое небесное вмешательство.

Таким образом, праздник Рождества оказал большое влияние на формирование идейной структуры святочного рассказа, что стало возможным в первую очередь благодаря тому, что жанр оказался открытым навстречу

бытовому слою литературы. Это промежуточное положение святочного рассказа между литературой и бытом сказалось и в дальнейшей его судьбе.

Уже в XIX веке святочный рассказ стал излюбленной мишенью для пародистов, которые издевались над грубостью приемов, при помощи которых авторы пытаются вызвать у читателя слезы, над ограниченностью сюжетов и тем, над художественными особенностями этих произведений, а именно – их второсортностью. Но особенным нападкам этот жанр подвергся после 1917 года. «В советской литературе святочная традиция в силу известных обстоятельств уходила, но оказывалась подхваченной традицией новогоднего рассказа, вырастающего из своеобразной разновидности святочного рассказа – рассказа рождественского, в котором силы зла, «активизирующиеся» в канун Рождества, побеждают этим праздником, который приводит мир к гармонии» [5, с. 126].

Боролись, конечно, не с жанром, а с Рождеством, результатом чего стали литературные образчики антисвяточных стихов и рассказов. Приведем два примера: в декабре 1931 года детский журнал Чиж публикует рассказ А. Финогенова «Без елки» и стихотворение «Не позволим» Александра Введенского:

Не позволим

Не позволим мы рубить

Молодую елку;

Не дадим леса губить,

Вырубать без толку.

Только тот, кто друг попов,

Елку праздновать готов.

Мы с тобой – враги понам,

Рождества не надо нам.

А. Введенский

Рассказ А. Финогенова «Без елки» фактически пересказывает основной смысл стихотворения А. Введенского и заканчивающегося такими словами: «На рождестве в очаг пришли все ребята и весь день провели в труде. Они разучивали

антирелигиозные песни, занимались в рабочей комнате, писали заметки и клеили свою стенную газету. Поздно вечером довольные ребята вернулись домой и рассказали родителям про свой день в очаге».

Но и после «антирелигиозной» кампании первой половины XX века святочный рассказ не был окончательно уничтожен, а очутился в уже хорошо знакомой ему среде – в быту. Фольклорные былички и бывальщины о гадании, о суженом и сегодня передаются из уст в уста, их без труда можно услышать от многих деревенских жителей. Кроме того, новогодние произведения в период советской власти были «официальными» заместителями святочных произведений, и в силу этого они несли в себе все признаки святочной литературы.

Во второй половине XX века происходит постепенное видоизменение святочного рассказа в другие жанры, например, кинематографические. Самыми известными кинофильмами на рождественскую (новогоднюю) тему стали «Ирония судьбы, или С легким паром», который является авторской экранизацией пьесы Эмиля Брагинского и Эльдара Рязанова «С лёгким паром! или Однажды в новогоднюю ночь...» и «Приходи на меня посмотреть» – художественный фильм, поставленный Олегом Янковским и Михаилом Аграновичем по мотивам пьесы Надежды Птушкиной «Пока она умирала». В них мы видим многие атрибуты святочной литературы: приуроченность ко времени Святков; мотив чуда, чудесного события; герой оказывается в состоянии глубокого душевного или материального кризиса; мотив сна; счастливый финал. Можно еще вспомнить десятки новогодне-святочных мультфильмов, песенки про елочку, про Деда Мороза и Снегурочку, распеваемые детьми на утренниках.

Сегодня мы наблюдаем новый всплеск интереса к рождественским рассказам. Выходят все новые сборники под названием «Святочные рассказы». Так, издательство «Фома-Центр» выпустило сборник современных святочных рассказов «Покажи мне звезду», в котором были опубликованы произведения современных авторов на святочную тематику: Л. Подистой «Плюшка», С. Усачёвой «Коврик», Г. Толмачёвой «Заступничество снеговика Феди»,

Л. Ивановой «Рождественская сказка» и другие. И это происходит в первую очередь потому, что во всех областях современной жизни наблюдается стремление восстановить нарушенную связь времен. «Ключевым моментом для восстановления более естественной жизни является попытка воскресить у современного человека чувство «календарности». Человеку присуща потребность жить в ритме времени, в рамках осознанного годового цикла» [1, с. 26].

В наши дни возвращается многое из утраченного и в том числе календарная обрядность, а вместе с ней – святочная литература, ведь времена меняются, а люди не очень, поэтому остается потребность в празднике, непридуманном, светлом, живом, дающем ощущение чуда и надежу на лучшее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Душечкина Е. В. «Настали вечера народного веселья...» // Чудо рождественской ночи: Святочный рассказ / Сост. и вст. ст., примечания Е. Душечкиной, Х. Барана. – СПб. : Художественная литература, 1993. – С. 5–32.
2. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра / Е. В. Душечкина. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1995. – 258 с.
3. Кучерская М. В лесу родилась елочка... // Детская литература. – 1992. – № 1. – С. 11–16.
4. Кучерская М. От составителя / М. Кучерская // Дружба народов. – 1992. – № 1. – С. 223–225.
5. Минералова И. Г. Детская литература: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И. Г. Минералова. – М. : Гуманит. изд центр ВЛАДОС, 2002. – 176 с.
6. Петровский М. Книжки нашего детства / М. Петровский. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. – 421, [1] с. : ил., портр., факс.
7. Топоров В. Н. Праздник // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – Т. 2. – М. : «Большая российская энциклопедия», 2000. – С. 329 – 331.

8. Чудо рождественской ночи: Святочные рассказы / Сост. и вступ. ст., примечания Е. Душечкиной, Х. Барана – СПб. : Художественная литература, 1993. – 704 с.

АННОТАЦИЯ

Шишкина И.Е. Святочный рассказ: заметки о забытом жанре

В статье дается краткая история становления жанра святочного рассказа в русской литературе, рассматривается соотносительность святочного рассказа с Рождеством, определяются причины популярности жанра в России в XIX веке и начале XX века, забвения в советскую эпоху и возрождения и трансформации в наши дни.

Ключевые слова: жанр, Рождество, святочный рассказ, сюжет, чудо.

SUMMARY

Shishkina I.E. Christmas tale: notes about the forgotten genre

In this article the concise history of formation of Christmas tale genre in Russian literature is presented; the relation of Christmas tales to Christmas is considered; the reasons for popularity of this genre in Russia in the 19th century and in the beginning of the 20th century as well as the causes for its oblivion during the Soviet era and its rebirth and transformation nowadays are determined.

Keywords: genre, Christmas, Christmas tale, plot, miracle.